

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ДМИТРИЕВ против РОССИИ»

(Жалоба № 66231/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В данное постановление 12 января 2017 г. были внесены поправки
согласно Правилу 81 Регламента ЕСПЧ

г. СТРАСБУРГ

6 декабря 2016 г.

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Дмитриев против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:
Бранко Лубарда, *Председатель*,
Пере Пастор Виланова,
Георгиос Сергидес, *судьи*,
а также Фатош Араци, *Заместитель Секретаря Секции*,
проведя 15 ноября 2016 года заседание по делу за закрытыми
дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 66231/14) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Александром Анатольевичем Дмитриевым (далее — «заявитель») 12 сентября 2014 года.

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представляла А. Бойченко, адвокат, практикующий в г. Париже. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что не получил надлежащего стоматологического лечения в период содержания под стражей, и что не имел эффективного средства правовой защиты в этой ситуации.

4. 3 сентября 2015 года жалоба была коммуницирована Властям.

5. Власти представили возражения относительно рассмотрения жалобы Комитетом. Изучив указанные возражения, Суд счел возможным отклонить их.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, 1974 года рождения, содержится под стражей в Томской области.

7. 2 декабря 2007 года заявитель был задержан по подозрению в убийстве и двумя днями позже был помещен в следственный изолятор ИЗ-70/1 в г. Томске. 13 ноября 2008 года он был признан виновным и

приговорен к одиннадцати годам лишения свободы. После обжалования приговор был оставлен в силе. Начиная с 18 февраля 2009 года, за исключением коротких периодов пребывания в следственном изоляторе, заявитель содержался в колониях №№ 2 и 4 в Томской области.

8. Заявитель утверждал, что во время содержания под стражей он не был осмотрен врачом-стоматологом и не получал никакого стоматологического лечения, поскольку, как ему сказали, ни стоматологического оборудования, ни штатного стоматолога в следственном изоляторе не было. Единственной альтернативой лечению было удаление зуба доктором, который посещал учреждение один или два раза в месяц. Находясь в исправительной колонии, заявитель не мог получить никакого стоматологического лечения в течение длительного периода времени, поскольку стоматологическая бормашина и рентгеновский аппарат были сломаны. Кроме того, стоматолог колонии обычно либо был в отпуске, либо уезжал на курсы повышения квалификации. Заявитель представил показания, подписанные пятью заключенными, с которыми он содержался в одних и тех же исправительных учреждениях в 2007—2014 годах. Эти показания подтверждали его утверждение об отсутствии эффективной стоматологической помощи.

9. Заявитель также утверждал, что стоматологическая помощь впервые была ему оказана 8 июня 2011 года в исправительной колонии. После этого ему проводили процедуры по удалению зубного камня и очистке, а также удаление зубов, но не выписывали никаких болеутоляющих, чтобы облегчить зубную боль, от которой он страдал. Несмотря на то, что 19 февраля 2009 года у заявителя был диагностирован периодонтит, вплоть до 20 ноября 2013 года лечение этого заболевания не назначалось.

10. Всего за время содержания под стражей заявитель потерял девять зубов. Он не мог получить ортодонтическую помощь даже за свой счет. Поэтому он попросил своего сокамерника сделать ему временные металлические зубные протезы, которые бы заменили несколько зубов, но эти протезы плохо подходили. 23 декабря 2014 года заявителя осмотрел приглашенный стоматолог из другой исправительной колонии, который рекомендовал сразу после освобождения пройти осмотр у стоматолога.

11. Заявитель также предоставил несколько фотографий своей ротовой полости, сделанные 2 февраля и 28 апреля 2014 года, которые свидетельствовали о том, что за этот промежуток времени он потерял по меньшей мере два передних зуба. Медицинское заключение, выданное стоматологом заявителя 27 июня 2014 года, подтверждало наличие зубных протезов на восьми зубах и отсутствие еще десяти. В другом заключении стоматолога от 24 марта 2016 года говорилось, что всего отсутствует тринадцать зубов.

12. Заявитель обращался с заявлениями о ненадлежащей стоматологической помощи в разные национальные органы власти, включая обращение к начальнику следственного изолятора, в Томскую областную прокуратуру, а также в Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН), но все было безрезультатно.

13. Власти утверждали, что заявитель проходил медицинские освидетельствования в каждом исправительном учреждении и получал необходимое медицинское лечение. Они приводили, в частности, заключения, выданные начальником больницы следственного изолятора № 70 г. Томска и директором исправительной колонии № 2, выписки из медицинской карты заявителя, списки лекарственных препаратов и медицинских приборов, имеющихся в указанных исправительных учреждениях, списки персонала, а также медицинские лицензии исправительных учреждений.

14. В медицинской карте заявителя были следующие записи. 19 февраля 2009 года заявителя осмотрел стоматолог впервые после его помещения под стражу 4 декабря 2007 года, и у него был диагностирован периодонтит. 30 декабря 2010 года стоматолог сделал заключение, что «необходима санация ротовой полости». 3 февраля 2011 года заявитель поднял вопрос о своих стоматологических проблемах во время визита к начальнику медицинской части, но в медицинской карте нет записей, указывающих на то, была ли жалоба заявителя рассмотрена. 2 марта 2011 года стоматолог рекомендовал заявителю удаление и последующее лечение зубов. Через четыре дня было диагностировано обострение его хронического периодонтита, и один из зубов был удален. Спустя еще одиннадцать дней заявителю сообщили, что он может сделать себе подходящий зубной протез за свой счет. В период между 3 июня и 20 июля 2011 года он посещал стоматолога семь раз, в течение этих визитов у него был диагностирован гингивит передних зубов и зубной кариес, ему было поставлено три постоянных зубных пломбы, проведено лечение гингивита и удален зубной камень. 1 и 8 декабря 2011 года стоматолог поставил заявителю диагноз хронический периодонтит и установил, что необходима санация ротовой полости. Процедуру очистки провели через восемь месяцев. 20 ноября 2013 года у заявителя был диагностирован воспалительно-дегенеративный периодонтит, и было проведено его лечение. Между 20 марта и 5 мая 2014 года стоматолог снова подтвердил диагноз, прописал лечение и удалил три зуба.

15. Между 10 июля и 7 августа 2014 года заявитель трижды посещал медицинскую часть и попросил сделать ему зубной протез. Ему было объяснено, что такого рода лечение он может получить за свой счет. Между тем, стоматолог подтвердил диагноз воспалительно-дегенеративный периодонтит, прописал лечение, удалил еще один зуб, снял зубной мост и очистил зубной камень.

16. 23 декабря 2014 года заявителя осмотрели два стоматолога, которые подтвердили частичное отсутствие зубов на обеих челюстях, некоторые из которых были заменены металлическими протезами. Они не диагностировали периодонтит и заключили, что заявитель не нуждался в ортодонтическом лечении. Стоматолог, проводивший осмотр 22 октября 2015 года, пришел к тем же выводам, но отметил отсутствие нескольких зубов только на верхней челюсти. Состояние заявителя было определено как «практически здоров».

17. Власти не оспаривали правдивость заявлений, сделанных бывшими сокамерниками заявителя.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Медицинская помощь, предоставляемая лицам, содержащимся под стражей

18. Для ознакомления с соответствующими положениями национального законодательства, включая совместный приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ и Министерства юстиции РФ № 640/190 от 17 октября 2005 года о Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу (далее — «Порядок»), а также с международными докладами и документами см. постановление Европейского Суда от 23 июля 2015 года по делу «Патранин против России» (*Patranin v. Russia*), жалоба № 12983/14, пункты 33—40.

Б. Правовые способы обжалования качества медицинской помощи

19. Для ознакомления с соответствующими положениями национального законодательства см. постановление Европейского Суда от 13 ноября 2012 года по делу «Коряк против России» (*Koryak v. Russia*), жалоба № 24677/10, пункты 46—57; постановление Европейского Суда от 27 ноября 2012 года по делу «Дирдизов против России» (*Dirdizov v. Russia*), жалоба № 41461/10, пункты 47—61; и постановление Европейского Суда от 8 января 2013 года по делу «Решетняк против России» (*Reshetnyak v. Russia*), жалоба № 56027/10, пункты 35—46.

ПРАВО

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 И СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С КАЧЕСТВОМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, ПРЕДОСТАВЛЯВШЕЙСЯ ЗАЯВИТЕЛЮ ВО ВРЕМЯ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

20. Заявитель жаловался на то, что ему не предоставлялось надлежащего медицинского лечения во время отбывания наказания в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

21. Он также заявлял, что не имел эффективного внутригосударственного средства правовой защиты в этой ситуации, как того требует статья 13 Конвенции.

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в [настоящей] Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

22. Власти утверждали, что заявителю предоставлялась надлежащая медицинская помощь. Они также утверждали, что у заявителя имелось достаточное количество средств правовой защиты, с помощью которых он мог пожаловаться на отсутствие надлежащей медицинской помощи во время содержания под стражей в соответствии со статьей 13 Конвенции. В частности, они упоминали возможность подать жалобы в администрацию исправительного учреждения, территориальное Управление ФСИН, областную прокуратуру или в национальные суды. Однако заявитель этими средствами правовой защиты не воспользовался.

23. Заявитель утверждал, что ему долгое время по разным причинам отказывали в стоматологическом лечении, что нарушало национальные правила исправительных учреждений. В результате периодонтит развился в хроническую воспалительно-дегенеративную форму, что вызывало у него постоянную боль и привело к потере девяти зубов. Кроме того, заявитель продолжал страдать от отсутствия зубов и все еще был вынужден пользоваться самодельными металлическими зубными протезами, поскольку ему не давали разрешение посетить гражданский стоматологический центр, чтобы установить подходящие протезы за свой счет.

24. Заявитель также обратил внимание Суда на тот факт, что он неоднократно обращался в национальные органы власти (см. выше пункт 12), однако его жалобы не имели никакого эффекта.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

25. Суд отмечает, что возражение Властей по поводу неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты тесно связано с существом жалобы заявителя по поводу отсутствия эффективных средств правовой защиты в отношении качества оказанной ему во время содержания под стражей медицинской помощи. Таким образом, необходимо приобщить данное возражение к существу жалобы заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции.

26. Суд также отмечает, что жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции не являются явно необоснованными по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не являются неприемлемыми по какому-либо иному основанию. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалобы

(а) Исчерпание внутренних средств правовой защиты и предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

27. Для краткого ознакомления с общими принципами см. упоминавшееся выше постановление по делу «Решетняк против России», пункты 56—60.

28. Суд принимает во внимание довод Властей о том, что, не обратившись со своей жалобой в государственные органы власти, заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты.

29. Суд напоминает, что он неоднократно изучал эффективность внутренних средств правовой защиты, на которые ссылались Власти, в делах заявителей, жаловавшихся на ненадлежащую медицинскую помощь, сохранявшуюся на протяжении длительного промежутка времени, например, как в данном случае. В частности, Суд установил, что администрация учреждения не имела бы достаточно независимую точку зрения — как того требует статья 35 Конвенции — при принятии решения по жалобе, касающейся нарушений национальных правил, регулирующих оказание медицинской помощи лицам, содержащимся под стражей (см. упомянутые выше постановления по делам «Коряк против России», пункт 79, и «Дирдизов против России», пункт 75). Суд также указал, что жалоба надзирающему прокурору не соответствует требованиям, предъявляемым к эффективным средствам правовой

защиты, из-за процессуальных недостатков, которые ранее были определены в прецедентном праве Суда (см. упомянутое выше постановление по делу «Коряк против России», пункты 80—81). Что касается гражданского иска о возмещении причиненного вреда, Суд счел, что этот вид иска не может обеспечить заявителю никакого иного возмещения, кроме самой компенсации, и не способен положить конец ситуации длящегося нарушения, как, например, предоставление ненадлежащей медицинской помощи (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Решетняк против России» (пункты 65—73). Наконец, Суд установил, что данное средство правовой защиты не обеспечивает разумной перспективы успеха, в частности, потому, что решение зависит от установления вины властей, что крайне маловероятно в ситуации, когда внутренними правовыми нормами предусматривается применение определенной меры, например, определенных условий содержания под стражей или определенного уровня медицинского обслуживания (см. постановление Европейского Суда от 14 октября 2010 года по делу «А. В. против России» (*A.V. v. Russia*), жалоба № 1439/06, пункт 96).

30. Поскольку жалоба заявителя о предоставлении ненадлежащей медицинской помощи во время содержания под стражей является приемлемой (см. выше пункт 26), и учитывая проблемы заявителя со здоровьем и серьезность его заявлений, Суд установил, что требование является небезосновательным. Соответственно, государство-ответчик должно было обеспечить доступность эффективного средства правовой защиты для рассмотрения его жалобы по существу. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела и вышеупомянутое прецедентное право, Суд не видит причин отступить от своих предыдущих выводов по этому вопросу. Суд приходит к заключению, что правовые средства, предложенные Властями, не являлись эффективным средством правовой защиты, которое можно было бы использовать для предотвращения предполагаемых нарушений или их пресечения, или для предоставления заявителю соответствующего и достаточного возмещения в отношении его жалобы на основании статьи 3 Конвенции.

31. В соответствии с этим, Суд отклоняет возражения Властей по поводу неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и приходит к выводу, что у заявителя не было эффективного внутригосударственного средства правовой защиты в отношении его жалобы, что нарушает статью 13 Конвенции.

(б) Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

32. Для краткого ознакомления с общими принципами см. упоминавшееся выше постановление по делу «Решетняк против России», пункты 81—85.

33. Суд отмечает, что в настоящем деле стороны разошлись во мнениях по поводу качества медицинского обслуживания во время содержания под стражей. Однако в настоящем деле Суд не считает необходимым устанавливать правдивость всех заявлений сторон, поскольку он может прийти к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции на основании фактов, которые были представлены или не были оспорены государством-ответчиком, по следующим причинам.

34. Заявитель представил убедительное доказательство отсутствия надлежащей стоматологической помощи во время содержания с подробным описанием сроков и характера лечения, представлением фотографий ротовой полости, письменных показаний пяти сокамерников и заключений стоматологов. Власти представили в свою защиту ряд документов, в том числе выписки из медицинской карты заявителя, списки лекарств и медицинских приборов, имеющихся в исправительных учреждениях, списки персонала и медицинские лицензии этих учреждений.

35. Принимая во внимание представленные сторонами документы, Суд признает установленным тот факт, что заявителю не предоставлялась стоматологическая помощь на протяжении более чем четырнадцати месяцев во время его содержания в заключении (см. пункты выше). Этот вывод также подтверждается тем фактом, что Власти никак не прокомментировали письменные показания бывших сокамерников заявителя. Ни в выписках из медицинской карты заявителя, ни в списках лекарств нет указаний на то, что заявителю давали болеутоляющие средства, в которых он очевидно нуждался, поскольку жаловался на зубную боль.

36. Суд учитывает тот факт, что у заявителя был диагностирован периодонтит 19 февраля 2009 года. За два года болезнь перешла в хроническую воспалительно-дегенеративную форму, но медицинские работники просто продолжали удалять заявителю зубы, не назначая никакого профилактического или консервативного лечения. Лишь спустя четыре года и девять месяцев после постановки диагноза ему впервые провели лечение периодонтита. Власти никак не объяснили такой значительный промежуток времени.

37. Наконец, предоставленные сторонами документы и фотографии свидетельствуют о том, что 27 июня 2014 года у заявителя отсутствовало восемнадцать зубов, пять из которых были удалены в течение периода содержания под стражей. Вместо восьми отсутствующих зубов стояли «металлические протезы», которые, по словам заявителя, были сделаны и установлены сокамерником, и причиняли ему постоянную боль. Более того, к 24 марта 2016 года у него отсутствовало тринадцать зубов.¹ Суд отмечает, что заявитель обращался в администрацию исправительного учреждения с

¹ На основании документов, предоставленных заявителем.

просьбами установить ему подходящие зубные протезы 17 марта 2011 года, 10 июля и 7 августа 2014 года. Однако ему просто отвечали, что он может установить протезы за свой счет, но не предпринимали никаких дальнейших действий, несмотря на готовность заявителя оплатить расходы и начать прохождение этой медицинской процедуры. Власти никак не объяснили этот момент (см., с учетом необходимых изменений, постановление Европейского Суда от 16 февраля 2010 года по делу «В.Д. против Румынии» (*V.D. v. Romania*), жалоба № 7078/02, пункты 94—99).

38. Принимая во внимание все вышесказанное, Суд не может не прийти к заключению, что заявитель на длительные периоды времени оставался без надлежащей стоматологической помощи, что вызывало у него боль и страдания и вело к развитию более серьезного стоматологического заболевания. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

39. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

40. Заявитель потребовал выплаты 6 020 евро в качестве компенсации материального ущерба, так как именно такую сумму ему придется в будущем заплатить за установку качественных зубных протезов. Заявитель также потребовал выплаты 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

41. Власти оставили этот вопрос на усмотрение Суда.

42. Заявитель не привел доказательств, подтверждающих оправданность указанной суммы, поэтому Суд отказывает в удовлетворении данного требования. Что касается суммы, затребованной в качестве компенсации морального вреда, она представляется чрезмерной. Оценив дело на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

43. Заявитель также потребовал 2 500 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им в ходе рассмотрения жалобы заявителя в Европейском Суде, которые должны быть выплачены на банковский счет его представителя².

44. Власти оставили этот вопрос на усмотрение Суда.

45. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек лишь в той мере, в какой он продемонстрировал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы, вышеуказанные критерии и тот факт, что заявителю Судом была предоставлена юридическая помощь на сумму 850 евро, он присуждает заявителю 1 000 евро по всем статьям, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, которая должна быть выплачена на счет представителя заявителя - А. Бойченко³.

В. Проценты за просрочку платежа

46. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* приобщить к существу жалобы на основании статьи 13 Конвенции возражение Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалобы по статье 3 Конвенции и *отклонил* данное возражение;
2. *объявил* жалобу приемлемой;
3. *постановил*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективного внутригосударственного средства правовой защиты, позволяющего подать жалобу о

² 12 января 2017 г. были внесены правки. Добавлено: «которые должны быть выплачены на банковский счет его представителя».

³ 12 января 2017 г. были внесены правки. Добавлено: «которая должна быть выплачена на счет представителя заявителя - А. Бойченко».

ненадлежащем медицинском лечении во время содержания под стражей;

4. *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием адекватного медицинского лечения во время содержания под стражей;
5. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителю следующие суммы с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 15 000 (пятнадцать тысяч) евро, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 000 (одну тысячу) евро плюс любой налог, который может облагаться данная сумма, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, которая должна быть выплачена на счет представителя заявителя - А. Бойченко⁴;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода начисления пени, плюс три процентных пункта.
6. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление направлено в письменном виде 6 декабря 2016 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

ФатошАраци
Заместитель Секретаря Секции

Бранко Лубарда
Председатель

⁴ 12 января 2017 г. были внесены правки. Добавлено: «которая должна быть выплачена на счет представителя заявителя - А. Бойченко».